
УДК 82.0 (470.621)

ББК 83.3 (2=Ады)6

X 13

Хагундокова С.Д.

Соискатель кафедры литературы и журналистики Адыгейского государственного университета, библиотекарь читального зала Научной библиотеки АГУ, e-mail: stepanova.maykop@gmail.com

Степанова Т.М.

Доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Адыгейского государственного университета, e-mail: stepanova.maykop@gmail.com

Художественное время и пространство природы в романе

И. Машбаша «Жернова»

(Рецензирована)

Аннотация:

Рассматриваются мотивы и образы природы, их функциональная роль в исторической романистике И.Машбаша; анализируются основные типы воплощения художественного времени и пространства как способы воссоздания национальной картины мира и национального характера. Показано, что природа в «Жерновах» - не только фон, на котором развиваются исторические события, даются портреты персонажей. Выясняется, что «сюжетный ритм» в прозе И.Машбаша обусловлен ритмами природы и структурой историко-эпического повествования.

Ключевые слова:

Категории времени и пространства, портрет, персонаж, пейзаж, ландшафт, художественный мир, мотивы и образы природы, психологизм, национальный характер.

Khagundokova S.D.

Applicant for Candidate's degree of Literature and Journalism Department, Adyghe State University, librarian of Scientific Library of ASU, e-mail: stepanova.maykop@gmail.com

Stepanova T.M.

Doctor of Philology, Professor of Literature and Journalism Department, Adyghe State University, e-mail: stepanova.maykop@gmail.com

Art time and nature space in the novel of I.Mashbash "Millstones"

Abstract:

The paper examines the motives and images of the nature and their functional role in I.Mashbash's historical Romance philology. An analysis is made of the main types of an embodiment of art time and space as ways of a reconstruction of a national picture of the world and national character. It is shown that the nature in "Millstones" is not only a background on which historical events develop and portraits of characters are given. It becomes clear that "the subject rhythm" in I.Mashbash's prose is caused by the nature rhythms and by structure of a historical and epic narration.

Keywords:

Categories of time and space, portrait, character, landscape, art world, motives and images of the nature, psychologism, national character.

Категории времени и пространства отражают два главных измерения существования природы. Каждое художественное произведение, чему бы оно ни было посвящено, – исследованию мира или человека, общества, его исторических судеб, неизбежно создает свой художественный мир, в котором существует собственная система координат художественного времени и пространства. В романе И.Машбаша «Жернова» параллельно функционируют две таких системы координат. Художественное время здесь складывается из двух составляющих – из исторического времени описываемых характеров и событий в рамках хронологии Кавказской войны (все временные ориентиры точно датируются автором – с 1831 по 1864 год) и времени действия конкретных эпизодов, непосредственно и четко связанного с природными временными циклами – временами года и временем суток. Наличие в этом романе непрерывной связи и постоянного пересечения двух временных измерений (мира природы и мира людей) придает повествованию многомерность и способность изображать судьбы истории через судьбы людей в самых разных ракурсах. Этому в произведении способствует и постоянный контекст и подтекст мира природы.

В связи с этим уместно вспомнить мысль классика американской литературы Р.У.Эмерсона: «Когда человек падает, природа поднимается и служит своеобразным термометром, определяя наличие или отсутствие в человеке святости. Из-за своего уныния или эгоизма мы смотрим природе в глаза, а когда мы выздоравливаем, - она смотрит в наши. («Man is fallen; nature is erect, and serves as a differential thermometer, detecting the presence or absence of the divine sentiment in man. By fault of our dullness and selfishness, we

are looking up to nature, but when we are convalescent, nature will look up to us») [1: 302]. Интересно рассмотреть «Жернова» именно с такой, «подсказанной» автором точки зрения – с сопоставления добрых и злых сил природы в соотношении с «добрыми» и «злыми» силами человека и общества. Довольно четко оформленное ритмически, это создает атмосферу драматизма, предвестия беды. Вообще это явление характерно для самых значимых произведений мировой литературы. По справедливому замечанию Т.М.Степановой и С.Л.Зухбы, в подобных текстах «животные, деревья, трава, цветы, вся природа (...) щедро наделяются человеческими чувствами, способностью различать добро и зло, сочувствовать первому и ненавидеть второе, они предупреждают (...) о несчастьях, переживают горе и радости. Это слияние автора и природы усиливает значительность и драматизм происходящего» [2: 102].

По отношению к роли мотивов и образов природы в структуре романа «Жернова» уместно привести определение Б. Томашевского: «Мотивы, сочетаясь между собой, образуют тематическую связь произведения» [3: 130]. Способы сцепления мотивов природы с временными сдвигами, с довольно длительными уходами от фабулы характерны для прозы И.Машбаша. Связанные ассоциативно, они образуют сложную художественную структуру. «Роман «Жернова» - своеобразная эпическая драма: главная сцена - вся адыгская земля, действующее лицо - народ, на фоне повествования о нем крупным планом изображено целое поколение кавказского и русского общества. Отсюда полифоничность романа» [4: 78]. В исторической романистике И.Машбаша изображение природы неотделимо от сюжета, события; судьбы персонажей органич-

---

но связаны с природой определенного локального пространства. Больше того: сюжетные события и судьбы некоторых героев этих книг определяются особенностями природы. Слить воедино типичность и самобытность, создать психологически убедительные литературные портреты, затрагивающие читателя эмоционально, — важная художественная задача. Познавательные сведения — и сообщаемые непосредственно автором, и вложенные им в уста его героев размышления — ставят книгу как бы на грань художественной литературы и литературы документальной. Природа в «Жерновах» не основная тема изображения, а фон, на котором развиваются исторические события, рисуются портреты персонажей, но фон этот очень информативен и выразителен — он характеризует и конкретное географическое пространство, и образ жизни его обитателей, и их мировоззрение, и способ видения художника: «Тихий осенний день был в самом разгаре, когда отец и сын миновали шапсугскую землю и двинулись холмистой равниной Бжедугии, увидели слева от себя реку Афипис» [5: 51]. Рассказчик внимательно наблюдает за персонажами — этим подчеркивается точность описания их передвижения в пространстве. Лаконизм текста конденсирует лиричность повествования.

Главное действующее лицо в пейзажных фрагментах прозы И.Машбаша (помимо конкретных персонажей каждого произведения) — он сам: охотник, наблюдатель, ученый, художник — искатель слов, точных и поэтичных, искатель правды. Зорко вглядываясь в природу, наблюдая ее глазами своих героев, И.Машбаш исследует и свой внутренний мир: «Уже стояла поздняя осень, пора холодных и злых ветров, но в тот день было тепло и тихо. От тишины, от синевы морской простор был безграничным, зовущим. Особенно призывными были большие и малые корабли под белыми парусами — они обещали чудеса заморских стран, сказ-

ки веков...» [5: 66]. Зорким и трезвым наблюдателем, аналитиком И.Машбаш остается всегда. Но ощущение связей всего, что есть в природе — людей, животных, растений, рек, морского пространства, — рождает поэтический синтез. Одновременно через отношение к различным видам земного и морского ландшафта анализируются и особенности национального характера: «Трам с тех пор, как научился держаться на коне, полюбил морскую волну, корабли, уходившие в бесконечную даль, возвращавшиеся из той бесконечности. Он легко отличал военные корабли от гражданских, знал флаги Турции, России, Англии, Франции, Греции» [5: 89].

Это лирико-философское размышление историко-географического, геополитического, этнологического характера органично вписывается в канву как характера персонажа, так и пространственных измерений в романе. Автор неоднократно настойчиво и убедительно проводит в романе мысль о том, что чрезвычайное богатство и разнообразие ландшафта исконных адыгских земель закономерно формирует в национальном характере этого народа аналогичные качества: способность видеть красоту и богатство природы, жить в ладу с ней. Читатель переносит достоверность зрительного наблюдения и на слуховое: «Звонкие ручьи, быстрые реки, шумящие водопады. И — солнце! А побережье Чёрного моря, а равнины и холмы, древние могильники! Дорога для адыга всегда, хоть и маленькое, но торжество, всегда ожидание, желание ступить за черту далёкого горизонта, порадоваться земле и небу, снежным вершинам и тёмным лесам» [5: 103]. Здесь неизменный для лирики и эпоса И.Машбаша мотив горизонта как рубежа приобретает новые очертания. В то же время в тексте множатся природные метафорические признаки предвестия беды. Обратимся к некоторым сравнениям и определениям в «Жерновах», уже авторским. В цветовые характеристики, не вы-

ходящие за пределы обычных — «зеленое море», «желтые глаза псов», — врываются резкими мазками, определяющими колорит изображения, звуковые («то угрожающе, то страдальчески, а то и вовсе жалобно выл ветер») и сенсорные («шалные ветры сдували с полей снег, гоняли поземку, срывали камышовые крыши, гнули к земле, ломали деревья») [5: 110]. Пристальность, внимание к каждому оттенку запаха, состоянию воздуха, его «градусу», еле слышному звуку не мешает художнику воспринимать картину в целом: «Трудной, тревожной, немилосердной стояла зима. Вся многовековая история адыгов была удивительно похожа на эту зиму. Не миновали их разорительные, кровавые походы Чингис Хана, Батгия, Македонского и других чужеземцев» [5: 127].

В тексте обращает внимание неожиданное использование эпитета «тяжелый» в применении к «шуму». Эпитет «тяжелый» И.Машбаш в этом произведении (как и в некоторых других) часто применяет к различным явлениям природы. Подобные сочетания с равным основанием можно считать экзотичными или импрессионистическими. Впрочем, одно не исключает другого. Сходный способ решения художественной задачи находим и в фразе «Над пустыней поднималась медленная луна». Замена наречия «медленно» — его тут естественно было бы ждать — эпитетом, отнесенным к самой луне, а не к ее движению, — тоже характерный для И.Машбаша способ акцентировать деталь пейзажа. Читатель несомненно задержит на ней внимание, как бы споткнувшись о неожиданность эпитета. Этот абзац, посвященный борьбе в природе, контрастно противопоставлен следующему, где изображается радость, благодатная тишина рассветного часа: «Как велика и просторна адыгская земля! И какая разная: тут тебе и море, и горы, и леса, и реки, и степи, от Чёрного моря, от верхней Абхазии до гор Кабарды. Даже орлиным взглядом с высоты её не окинешь, на самом лучшем

скакуне за месяц не обскачешь» [5: 133].

Иной образный строй мы находим в описании городского пейзажа Петербурга: «Свежий снег всё украсил своей чистотой и тихим блеском. Крыши домов, фонарные столбы, чугунные решётки оград — всё выглядело естественно, как бы созданное самой природой. Золотисто-оранжевое солнце, поднимавшееся на небосвод, своими лучами делало землю, делало Петербург торжественным, требовало от человека возвышенных чувств, размышлений» [5: 157]. Слово здесь так образно, так резко окрашено эмоционально, что смысловой акцент здесь очевиден, ничем не нарушена семантическая направленность эпизода. Непосредственное созерцание пейзажа продолжено, освещено воображением художника. Общение с природой — счастье; очарование дня рождает очарование чувств, больше того, глобальнее — очарование души: «Зима ещё не сдала свои позиции, но по тому, как вела себя на базах скотина, чувствовалось приближение весны. Солнце день ото дня всё дольше проводило времени на небосводе, всё выше поднималось над горизонтом, светило, оживляло своими лучами природу» [5: 180].

Ценность данного впечатления, пожалуй, одновременно в обыденности и редкости подобных переживаний, в ощущении полноты жизни, возникающем из единства и борьбы противоположностей. Цвет, свет, запах, звук — все подано в динамике, в стремительном или размеренном движении. Пейзаж спокоен и уравновешен по своей тональности, нет изображения стихий, буйства природы, преобладает размеренный ритм мирной жизни природы и человека: «Воробьи всё меньше проводили времени под стрехами, жаворонки всё выше поднимались в небо, всё громче слышались их песни. Постукивали топоры и молотки в селениях — это хлеборобы готовили к полевой страде свой нехитрый инвентарь» [5: 287]. Ясность, чистота, глубина — неба,

---

солнца, воздуха — определяют мелодику этого лирического пейзажа. А тема его шире, значительнее. Те же свойства — ясность, чистоту, глубину — писатель увидел и в людях, что живут в этом краю. «Не прошло ещё и месяца, как Хан-Гирей возвратился из Петербурга в родной аул и теперь здесь встречал весну. Пока проехал больше тысячи вёрст, меняя на станциях лошадей и экипажи, ночуя на постоялых дворах, качаясь на ухабах дороги, многое передумал наедине с небом да полями и лесами, одетыми метелями в роскошные зимние одежды. От этой роскоши, от этих немереных просторов, от звона почтовых колокольчиков да протяжных песен ямщика мысли его то уходили в глубь прожитых десятилетий, то возносились в синеву неба, в звёздную бесконечность, от тоски к радости, от тревоги к покою, от гордыни к смирению. Весна — время надежд и страстных ожиданий» [5: 290].

Изображение природы в романе И.Машбаша «Жернова» тесно переплетается с аналогичными функциями в его романе «Хан-Гирей»: помогает автору в раскрытии идейного смысла произведения, служит фоном, на котором действуют персонажи, содействует раскрытию образов героев, обычно неразрывно связанных с природой. И.Машбаш показал реку Кубань символом, наводящим на мысль о «тождественности добра и мира»: «А сама Кубань куда богаче, куда просторнее человеческих, подчас суетных отношений. Норовя никого не обидеть, она несла свои воды от вечного ледника Улдуком до теплого, синего Азова меж многих народов, как бы примиряя их, зовя к рукопожатиям. Эй, кто ты такой, Человек? Адыг, карачай, абазин, ногай, русский, казак? Для меня ты — просто человек. Вы пьете мою воду, я одинаково орошаю ваши луга, и луга те одинаково пахнут травами, одинаково ласкают ваш глаз ромашками, лазорниками, колокольчиками» [6: 127].

Образ человека, данный писателем, и параллельно показанная в романе при-

рода ассоциативны. Глубокий смысл имеют взаимоотношения Хан-Гирея с природой, помогающие выразить его сущность: «Хан-Гирею показалось, будто и земля здешняя крепче и приятнее ногам, чем та, чужая. Чтобы не смущать друзей сентиментальностью, он кивком поклонился Кубани, ее тихим далям. В этом месте две горные реки, Кубань и Лаба, сливались воедино, одной рекой уходили в море, уходили в океан» [6: 511]. В изображении природы Машбаш не фотограф, а мыслитель. Он зачастую подразумевает будущую судьбу адыгов и казаков, мастерски использует параллелизмы между жизнью человека и природы. Это почти символическое описание природы подчеркивает, в каком тревожном политическом состоянии находится страна адыгов в ожидании войны. Пейзаж служит и способом драматизации романа, подчеркивая умение автора видеть атмосферу разворачивающейся внутренней драмы, ощутить трагедию еще до того, как она произойдет.

По верному наблюдению Д.Ахметовой, Машбаш искусно использовал изображение природы как картину живого мира, окружающего человека, среды его обитания, и как знака таинственных связей с этим миром [7]. Так, к примеру, у него в одном тексте дается описание природы в младенческом состоянии, вселяющей покой и надежду, и в одночасье превращенной людьми в ад, будучи растоптанной. Сопоставляя образную систему природы в двух романах, в «Хан-Гирее» можно наблюдать преобладание мифологемы горных рек, а в «Жерновах» — мифологемы солнца. Вновь обратившись к «Жерновам», мы увидим и здесь воплощение тех же чувств и настроений в душе Хан-Гирея, когда вдали от родины он острее ощущает ее.

Излюбленное для поэзии и прозы И.Машбаша время суток, как нами неоднократно отмечалось, — утро. Именно здесь динамика смены ночи и дня, темноты и света особенно очевидна. Дина-

---

мична и вся движущаяся картина онтологии жизни природы и человека в утренние часы: «Из-за гор поднималось весеннее солнце – щедрое и весёлое. Рано всходит солнце, но жизнь просыпается ещё раньше – с рассветом, с румяной зарёй. Начинают петь птицы, стряхивают росу при лёгких дуновениях ветра травы и деревья. И пастухи гонят на пастбища стада коров, отары овец, табуны лошадей по зорьке и встречают солнышко уже там, на просторах» [5: 270]. Художник видит, слышит, осязает, чувствует — и осторожное перепархивание птиц, и стряхивание росы при лёгких дуновениях ветра травами и деревьями, и дрожь осиновых листьев. Сложно переплетаются звуки с безмолвием, происходит наглядное расширение художественного пространства произведения, очевидная смена визуальных, зрительных планов. Колорит этого пространства всегда у Машбаша определяется онтологией как природного мира, так и повседневного человеческого бытия, бытия с его исходными базовыми атрибутами и смыслами – дом, очаг, пища, тепло и свет. Широкая панорама природного пространства наполнена контрастами света и сумрака, покоя и движения, динамики и статики: «Самыми первыми встречают солнце вершины гор. Ещё сумрак лежит в долинах, ещё темень таится в закоулках, а вершины уже загораются румяным светом. А вот речки, горные ручьи вообще не ложатся спать, не утихает их журчание – только светлее, искристее поутру становятся их воды» [5: 302].

Инородным сюжетным компонентом в романе выглядит эпизод прибытия в причерноморскую Шапсугию царственных особ. В этом фрагменте пейзаж адыгской земли увиден глазами чужеземцев: «21 сентября 1837 года Николай I вместе с цесаревичем Александром прибыл на адыгское побережье Чёрного моря. Странно, невиданно, однако так было – никто из жителей этого прекрасно-го края не вышел встречать августейших

особ. Царь с палубы корабля смотрел на расцветенные осенью леса, всматривался в аулы адыгов, примостившиеся в самых живописных местах ущелий, холмов, рек. Нет, в Петербурге никогда не бывает такого голубого, такого призывного неба. А там за горами, под таким же удивительным небом – равнины с самыми плодородными на всей планете чернозёмами, с благоприятнейшим климатом» [5: 232].

Этническая и территориальная история земли адыгов вписана в пространство всего Кавказа, лежащего на пересечении линий Востока и Запада, Европы и Азии. «Живут абадзехи в краю гор и лесов, в стороне от великого шёлкового пути, связывавшего многие столетия Европу и Азию. Это обстоятельство в определённой степени создало некоторую обособленность абадзехов, их обычаев, нравов» [5: 272]. Мифологизированный, обожеествляемый образ Солнца, пространственный и в лирике И.Машбаша, в романе «Жернова» также фигурирует в разных ипостасях, оно отмеряет время года и время суток, сопровождает героев в их пути, приводит к урожаю, является объектом благодарности и поклонения: «Небо на востоке занималось тихой зарёй. Всадники ехали молча, словно бы находились в сладкой дрёме. Вскоре из-за скалы показался краешек солнца – позимнему грустного над заснеженной землёй. Всадники молча спешили, помолились Светилу и, когда поднялись в сёдла, Карбатыр сказал: «Да дарует нам великое Солнце добрый путь и удачу». Оставляя справа беспокойное зимнее море, всадники продолжили путь» [5: 309]. Это обращение с молитвой ранних утренних всадников к восходящему Солнцу *Тхъешхо* (Великому Богу) стоит многого. Иногда пейзаж в «Жерновах» определен рядом соотнесенных между собой метафор, своего рода системой метафор. Мы выделяем в цитатах основные, часто контрастные мотивы и лейтмотивы изображения — солнце, горы, лес, рассвет, воздух, воду

и ее трансформации: лед, туман, река, та- лая вода. Неожиданность зарисовки — Млечный Путь, вливающийся в горы. Почти рядом, на следующей странице, то же сравнение Млечного Пути и звезд с водой повторяется, обогащаясь обра- зом звуковым и перемещением Млечно- го Пути. Описание в целом — снова соче- тание все тех же элементов пейзажа: свет, цвет, звук, запах. К ним иногда присоеди- няются и другие ощущения, передающие трагизм и бесприютность образов приро-

ды и, параллельно, — отдельного челове- ка и народа в целом. Таким образом, из- ложение нами сути пейзажных эпизодов и связи между ними, иначе говоря - опи- сание структуры образов и мотивов при- родного времени и пространства в ро- мане «Жернова» преследовало две цели: выявить, как понимает И.Машбаш «сю- жетный ритм в прозе», обусловленный ритмами природы, и как он сочетает эле- менты пейзажа со структурой историко- эпического повествования.

Примечания:

1. Emerson R.W. *Natura. Selections.* Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 1990. P. 300-352.
2. Степанова Т.М., Зухба С.Л. Д.С.Лихачев о фольклорной модели мира в древнерус- ской литературе // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2012. Вып. 1. С. 97-103
3. Томашевский Б. Теория литературы (Поэтика). 6-е изд. Л., 1991. 137 с.
4. Цей Б.А. Художественное осмысление нравственно-философских проблем в адыг- ской исторической прозе последнего десятилетия XX века (И. Машбаш «Жерно- ва», М. Кандур «Кавказ»): дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2009. 149 с.
5. Машбаш И.Ш. Жернова: роман. Майкоп: Адыгея, 1993. 635 с.
6. Машбаш И.Ш. Хан-Гирей: роман. Майкоп: Адыгея, 1995. 635 с.
7. Ахметова Д. А. Обновление эпической традиции в адыгейском историческом ро- мане двух последних десятилетий XX века (А. Евтых «Бычья кровь», И. Машбаш «Хан-Гирей», Н. Куёк «Вино мертвых»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Май- коп, 2009. 21 с.

References:

1. Emerson R.W. *Natura. Selections.* Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1990. P. 300-352.
2. Stepanova T.M., Zukhba S.L. D.S. Likhachev on the folklore model of the world in the Old Russian literature // *The Bulletin of the Adyghe State University.* Maikop, 2012. Issue 1. P. 97-103
3. Tomashevsky B. *Theory of literature (Poetics).* 6th ed. L. 1991. 137 pp.
4. Tsey B.A. The artistic conception of moral and philosophical problems in the Adyghe historical prose of the last decade of the XX century (I. Mashbash «Millstone», M. Kandur «The Caucasus»): Diss. for the Candidate of Philology degree. Maikop, 2009. 149 pp.
5. Mashbash I.Sh. *Millstones: a novel.* Maikop: Adygeya, 1993. 635 pp.
6. Mashbash I.Sh. *Khan-Girey: a novel.* Maikop: Adygeya, 1995. 635 pp.
7. Akhmetov D.A. The renovation of epic tradition in the Adyghe historical novel of the two last decades of the XX century (A. Evtykh «The Bull's blood», I. Mashbash «Khan- Girey», N. Kuyok «The wine of the dead»): Diss. abstract for the Candidate of Philology degree. Maikop, 2009. 21 pp.